

Туманик Е. Н.

ПОЛЬСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ К БИОГРАФИИ ДЕКАБРИСТА А. Н. МУРАВЬЕВА

Представлено исследование источников личного происхождения на польском языке, выявленных в процессе изучения биографии одного из виднейших декабристов, основателя первых тайных политических обществ в России Союза спасения и Союза благоденствия Александра Николаевича Муравьева. Речь идет о воспоминаниях А. Пауши, П. Мошиньского и Ю. Шембековой, ранее не востребованных исследователями. Мемуары содержат новые ценные сведения о сибирском периоде жизни декабриста, его мировоззрении, личности и взаимоотношениях с польскими товарищами по ссылке и освободительному движению.

Ключевые слова: *декабристы, освободительное движение, польская ссылка в Сибирь, мемуаристика, администрация, управление.*

Тема о декабристах представляется на первый взгляд достаточно изученной; казалось бы, в научный оборот давно уже введены все основные источники, особенно личного происхождения, тем более опубликованные. Действительно, так обстоит дело с источниками на русском языке. Но в плане привлечения к исследованию материалов иноязычного происхождения все не так благополучно. Например, практически не разработан комплекс воспоминаний о декабристах на польском языке, хотя по информативной составляющей и ценности данных его трудно переоценить. В отечественной историографии проблема была поставлена в статье Б. С. Шостаковича «Политические ссылки и поляки в Сибири» (Шостакович, 1973). Началу введения в научный оборот польских источников должна была бы послужить достаточно подробная антология «Памятники декабристов», вышедшая в свет в Варшаве в 1960 г., третий том которой как раз полностью посвящен польской мемуаристике (Pamiętniki, 1960). Но издание оказалось слабо востребованным отечественными декабристоведом, можно сказать, что оно прошло практически незамеченным и не утвердилось в нашей литературе в качестве базовой публикации документов. Введению в научный оборот польских источников о декабристах призваны послужить переводы последних лет, выполненные в Иркутске и вышедшие в серии «Польско-сибирская библиотека» (Воспоминания... 2009; Сабиньский, 2014). Назовем несколько известных имен польских мемуаристов, писавших о декабристах в Сибири, это прежде всего Ю. Сабиньский, Ю. Ручиньский, А. Гиллер, Р. Пиотровский, а также А. Пауша и П. Мошиньский. Конечно, данный список можно продолжить.

Польские ссылки в Сибири не только сталкивались с декабристами – они представляли собой единое общество, единый социально-культурный круг с общими интересами и проблемами. Тем ценнее свидетельства польских очевидцев жизни декабристов в сибирской ссылке. При изучении биографии декабриста Александра Николаевича Муравьева (1792–1863), находившегося в Сибири с 1826 по 1834 г., авторы также неизбежно вышли на польские источники, содержащие без преувеличения ценнейшие сведения. На этом показательном примере можно ярко представить всю важность польских источников личного происхождения для декабристоведения.

Итак, в первую очередь хотелось бы остановиться на воспоминаниях Антония Пауши (1788–1866), оставившего интересные свидетельства о Муравьеве. А. Пауша (A. Pawsza), политический ссылный после Ноябрьского восстания, провел в ссылке в Тобольске и его окрестностях почти четверть века, получив амнистию только в 1856 г., как и декабристы. До Ноябрьского восстания А. Пауша был депутатом гражданской палаты Волынского суда, а также членом масонской ложи в Житомире. За организацию повстанческого движения в Овручском повете он был приговорен к 25-летней каторге, замененной легким наказанием – простым поселением

в Западной Сибири. В годы губернаторства А. Н. Муравьева в Тобольске (1832–1834) А. Пауша вряд ли общался с декабристом, так как первоначально жил в окрестностях города. Но позже, конечно же, много о нем слышал от своих товарищей, прежде всего, вероятно, от близких к кругу гр. П. Мошиньского, искреннего друга Муравьева. В Сибири и позже А. Пауша вел дневник, опубликованный Е. Ивановским (Хелениушем). И, конечно же, в своих записях он не мог обойти вниманием столь важную фигуру, как А. Н. Муравьев, которого навестил во время путешествия по России в Нижнем Новгороде в 1856 г., где декабрист служил губернатором. Они встретились как старые и добрые друзья, которых связывало общее сибирское прошлое, общались свободно и легко.

Так что же поведал нам о Муравьеве А. Пауша? Его сведения ярко дополняют не только психологический портрет декабриста, но и доносят до нас некоторые неизвестные и интересные факты его биографии. Прежде всего чувствуется некая легендарность личности Муравьева для Пауши. Он приводит событийную канву его жизни, не совсем достоверную, но с ярко выраженным романтико-героическим подтекстом, подчеркивая при этом личную трагедию Муравьева, потерявшего в изгнании супругу, а к середине 1850-х гг. и всех своих детей, кроме единственного сына. Фактические ошибки воспоминаний А. Пауши заключаются в том, что Муравьев не служил в Якутске, как пишет автор, а начал административную карьеру в Иркутске, хотя в Якутск был действительно сослан первоначально, но не на службу, а на жительство. Декабрист даже выехал в Якутск из Иркутска в начале 1827 г., но был возвращен с дороги царским указом о перемене места ссылки. Показательно, что сам факт отправки изгнанника в Якутск настолько поражал мемуаристов, что часто в той или иной форме отражался в воспоминаниях о Муравьеве. Очевидно, что сам декабрист не рассказывал А. Пауше о своей судьбе, безусловно, эту информацию он почерпнул исключительно от ссыльных товарищей, когда-то находившихся в тесном дружеском общении с семейством Муравьева.

Косвенным подтверждением последнего может служить то, что особый акцент А. Пауша делает на упоминании о смерти в Тобольске дочери декабриста – речь идет о потере маленькой Прасковьи (род. в Верхнеудинске в 1827 г.). Это горе, к примеру, поразило Петра Мошиньского в самое сердце – он до того любил малютку, что уже по возвращении из ссылки всегда держал в кабинете бюстик девочки, сделанный в память о ней по специальному заказу. Очевидно, что и остальные ссыльные поляки питали к ребенку схожие чувства, и эта утрата и годы спустя не сгладилась в коллективной памяти изгнанников, что и донес А. Пауша в своем дневнике. Другой фактической ошибкой является неправильное указание места смерти П. М. Муравьевой: она скончалась в Вятке, а не в Москве.

И, наконец, совершенно легендарно-героически выглядит указание на военную службу Муравьева в Грузии после возвращения из Сибири, где он якобы стал генерал-майором. Это яркий показатель мифологизации биографии декабриста польскими товарищами по ссылке, которые в далекой Сибири в поисках известий о своем друге могли отождествить его с Н. Н. Муравьевым-Карским (братом А. Н. Муравьева), без тени сомнения приписав ему столь славную судьбу. В действительности А. Н. Муравьев в Грузии не был никогда, после Вятки служил в Крыму председателем палаты уголовного суда, затем губернатором в Архангельске. В начале 1850-х гг. Муравьев вернулся в армию в полковничьем звании, участвовал в Крымской войне, когда и дослужился до генерала. Впрочем, реалии биографии декабриста стоят легенды... Его судьба и сама личность давали благодатную почву для импровизаций в воспоминаниях современников, часто выстраивающих повествование соответственно масштабу исторической фигуры.

А теперь конкретно о важных подробностях и новых фактах к биографии Муравьева, которые приводит Пауша. Во-первых, или со слов самого декабриста, или, скорее всего, со слов окружающих его лиц он намекает на то, что место нижегородского губернатора А. Н. Муравьев получил благодаря поддержке своего брата М. Н. Муравьева, занимавшего тогда высокие государственные

должности. Интересно, что в отечественной историографии главенствует мнение, что на этот пост А. Н. Муравьев был назначен по протекции министра внутренних дел С. С. Ланского (Муравьев, 1986: 49). «...Это наилучшее место во всей России в смысле ярмарок, знаменитых и очень многочисленных», – пишет А. Пауша (Pawsza, 1882: 533). Но, конечно же, в свете муравьевского стиля администрирования – борьбы с коррупцией, взятками, казнокрадством – можно заключить, что такое назначение при любой протекции, хоть С. С. Ланского или М. Н. Муравьева, стремившихся навести порядок в сфере управления, выглядит закономерным – это был факт назначения «своего», как нельзя более близкого и надежного человека на один из ключевых губернаторских постов в империи. Вспомним и о том, что одной из составляющих деятельности А. Н. Муравьева в Нижнем Новгороде была подготовка отмены крепостного права.

Во-вторых, А. Пауша приводит любопытный факт из губернаторства Муравьева в Тобольске, связанный с его конфликтом с генерал-губернатором Западной Сибири И. А. Вельяминовым. Служба А. Н. Муравьева в Тобольске проходила в условиях жесткой конфронтации с генерал-губернатором, его непосредственным начальником, причиной чему была бескомпромиссная борьба декабриста со «злоупотреблениями и злоупотребителями» местной власти (Туманик, 2007). А. Пауша излагает примечательную «бальную историю», ярко характеризующую искусное интриганство, которым был проникнут стиль общения Вельяминова с неугодными подчиненными, рисуящую его нравы и методы обхождения с неудобными людьми, осмеливавшимися бороться с коррупцией и взятками и действовать по букве закона. Впрочем, А. Пауша вряд ли был посвящен в перипетии службы А. Н. Муравьева в Тобольской губернии, тем не менее масштаб конфликта чувствуется в его изложении, саму же суть разногласий мемуарист приписывает частным обстоятельствам, добавляющим бесценные штрихи к истории пребывания декабриста в Сибири. Сам А. Пауша, видимо, считал, что Муравьев повздорил с И. А. Вельяминовым исключительно из-за бала, но это была только вершина айсберга.

Итак, вот что сообщает автор воспоминаний об А. Н. Муравьеве: «В Тобольске он рассорился с генерал-губернатором Вельяминовым. Генерал-губернатор, давая бал, рассылал приглашительные билеты разным особам через частных приставов, а к губернатору послал их с полицмейстером, который, не заставши губернатора дома, оставил билет на столе. При начале бала генерал-губернатор медлил, ожидая губернатора с семейством, но они так и не пришли, просив передать, что не получили билетов. Из этого вышли недоразумения и обиды; Муравьев уехал из Тобольска в убеждении, что генерал-губернатор его не пригласил; по отъезде же билеты нашлись под диваном...» Об этом загадочном обстоятельстве А. Пауша рассказал декабристу в Нижнем Новгороде, но А. Н. Муравьев «не хотел тому поверить» (Pawsza, 1882: 533). И недаром – из поведанной интереснейшей истории, не такой уж простой и выглядящей на первый взгляд как досадное недоразумение, следует, что Вельяминов явно стремился поставить Муравьева в неудобную ситуацию, представив дело так, что, как будто получив приглашение, чересчур гордый губернатор не явился на бал. И это увидели все, так как Муравьев на бал действительно не приехал. Сам Муравьев, естественно, был унижен и оскорблен, так как приглашения он на самом деле не получил, и в таком состоянии духа он и его семейство покинули Тобольск и Сибирь (учтем еще, что все это близко совпало по времени со смертью дочери декабриста, из-за чего вся семья была в сильнейшем горе).

Восстановим канву событий, которая с огромной долей вероятности выглядит так: по распоряжению непревзойденного мастера интриг И. А. Вельяминова приглашительные билеты были принесены в дом Муравьева полицмейстером Алексеевым, как будто бы оставлены на столе в отсутствие хозяев, но... после почему-то оказались под диваном и в руки приглашенных не попали. Тем временем при открытии бала Вельяминов демонстративно показывал, что не начинает (это обстоятельство ярко запечатлелось в памяти мемуариста), так как ожидает губернатора – слишком подозрительная деталь. Итак, зная характер Вельяминова, сомневаться не прихо-

дится – все это было явно подстроено. Недаром после рассказа А. Пауши о найденных билетах под диваном А. Н. Муравьев не хотел этому верить. Особого внимания заслуживает и личность человека, принесшего приглашения, – это глава полиции А. Г. Алексеев, коррупционер и враг А. Н. Муравьева, разоблаченный им в его знаменитой служебной записке «О злоупотреблениях и злоупотребителях Тобольской губернии» (12 декабря 1833 г.): «Тобольская градская полиция, долженствующая служить примером благочиния и устройства для всех таковых же в губернии, – напротив того, служит примером всего худшего, что только вообразить можно. Потачка воровству и грабительству, распутное поведение полицейских чиновников, притеснения жителям, лихоимства, укрывательства беглых и несправедливости всякого рода... составляют характеристику Тобольской градской полиции, начальник которой тобольский полицмейстер Алексеев... пользуясь особенною доверенностию генерал-губернатора, состоит вне и выше всякого суда и взыскания...» (Муравьев, 1986: 141). Итак, вполне можно говорить о сговоре властей с целью хоть как-то отомстить А. Н. Муравьеву, унижить его и его семейство. Естественно, что, желая зла несговорчивому губернатору, полицмейстер с удовольствием выполнил поручение Вельяминова, что лежало, конечно же, в русле и его личных интересов; не исключено и то, что он был и соавтором интриги.

В-третьих, воспоминания А. Пауши содержат показательную информацию, очерчивающую дружбу и связи декабриста с польскими друзьями по ссылке в начале 1850-х гг. Это рисует Муравьева в замечательном свете – как человека и в преклонные годы верного идеалам дружбы и своим друзьям по Сибири. С середины августа 1854 г. и приблизительно до середины весны 1855 г. Муравьев служил в Варшаве при командовании войсками 1-го и 2-го гренадерских корпусов (именно там в марте 1855 г. он был произведен в генерал-майоры). Как сообщает А. Пауша в свой проезд через Нижний Новгород, в Польше декабрист возобновил старые дружеские связи и не собирался их рвать и теперь: «Муравьев просил, чтобы я передал привет и обнял князя Романа Сангушко и рассказал, что, будучи в Варшаве в прошлом году, встречался с князем Романом, и оба телеграфировали Петру Мошиньскому в Краков, прося его, чтобы он приехал к ним для свидания, но Мошиньский не приехал и не ответил. Муравьев был очень тем опечален и никак не мог позабыть того, но Мошиньский, вероятно, тогда в Кракове отсутствовал» (Pawsza, 1882: 533). Совсем не исключено, что если бы Мошиньский имел такую возможность, то обязательно бы поспешил навстречу старому другу по Тобольску, с которым его связывало искреннее взаимоуважение, общность интересов – это был замечательный пример неразрывной дружбы русского и польского аристократов, основанной на законах дворянской корпоративности. Как отмечает польский историк П. Билиньский, «насколько искренней должна была быть их дружба... что спустя восемнадцать лет по возвращении Петра из ссылки, Муравьев хотел с ним встретиться в Варшаве и телеграфировал ему», откуда ясно, что их связывало очень многое, а не только общность судьбы изгнанников (Biliński, 2006: 123).

Граф Петр Игнатьевич Мошиньский (1800–1879) в 1823–1826 гг. был волыньским губернским маршалом дворянства. Еще ранее, в 1821 г., он вступил в польское Патриотическое общество и являлся членом его провинциального совета по Киевской, Подольской и Волынской губерниям. Петр Мошиньский пытался организовать пропаганду в частях Литовского корпуса, а в августе 1825 г. в его доме в Житомире состоялись переговоры с представителями Южного общества декабристов. Граф Мошиньский был арестован в конце января 1826 г., во время следствия содержался в Петропавловской крепости и монастырской тюрьме в Варшаве. Его приговорили к ссылке в Сибирь на поселение на 10 лет, и в январе 1830 г. Петр Мошиньский прибыл в Тобольск. Пребывание в изгнании усугубилось личной драмой – жена графа не последовала за ним и в 1833 г. добилась развода.

Знакомство Мошиньского с А. Н. Муравьевым произошло в Тобольске, куда декабрист прибыл 28 октября 1832 г.: он был переведен из Иркутска к должности председателя губернского

правления, но в отсутствие назначенного губернатора принял на себя его обязанности. Есть мнение, что из Сибири П. Мошинский был возвращен именно благодаря ходатайству А. Н. Муравьева перед В. В. Левашевым, который выхлопотал графу позволение жить в Чернигове (Из эпистолярного... 2008: 58, 313). В конце 1832 г. А. Н. Муравьев дал положительный отзыв о поведении Мошинского, на основании которого наравне с заключениями других должностных лиц, генерал-губернатор И. А. Вельяминов представил императору прошение о переводе польского магната в Европейскую Россию (Нагаев, 1991: 145). Достоинно особого внимания, что независимо от генерал-губернатора А. Н. Муравьев сам просил В. В. Левашова, «хорошо расположенного» к графу, испросить у государя соизволения на возвращение П. Мошинского в Чернигов – показательно, что эти усилия увенчались полным успехом. Стоит особо подчеркнуть, что сам факт ходатайства по чьему-то делу в столичных кругах, а тем более перед В. В. Левашевым является беспрецедентным явлением для административной практики А. Н. Муравьева (Туманик, 2003: 51). Декабрист оказал Мошинскому еще одну важную услугу, касающуюся не только личных дел графа. Когда в начале 1833 г. опальный польский магнат просил разрешения выдать денежные суммы терпящим в Сибири нужду своим соотечественникам из числа ссыльных повстанцев, А. Н. Муравьев активно поддержал эту инициативу и добился от генерал-губернатора позволения на выдачу вспомоществования (Нагаев, 1991: 48–49).

9 января 1835 г. декабрист, стремясь к поддержанию дружбы с Петром Мошинским и желая быть ему полезным, писал из Вятки своему брату Н. Н. Муравьеву-Карскому: «Как легко случит[ь]ся может, что тебе придет[ся] делать какой-нибудь смотр в Чернигове, то прошу тебя, призови Мошинского и обласкай его. Он достоин всякого снисхождения, ибо вел и ведет себя отлично, и образ мыслей его показывает человека, оставившего совершенно прежние свои заблуждения. Он может тебе подробно рассказать о жизни нашей в Тобольске, ибо состоял там под личным моим надзором; от того самого я его узнал весьма коротко и принял на себя ходатайство за него. Если ты можешь быть ему полезен по делам его у Василия Васильевича, то прошу тебя не отказать ему в покровительстве; а Василий Васильевич сам к нему очень хорошо расположен, и по просьбе моей ходатайствовал у милосердного Государя о переводе его в Чернигов» (Из эпистолярного... 2008: 62–63). Таким образом, способствовал возвращению графа из Сибири, А. Н. Муравьев и далее был намерен помогать ему, поручая его судьбу вниманию своего брата, генерал-адъютанта и исполняющего дела начальника штаба 1-й армии.

Конечно, в поисках польских источников об А. Н. Муравьеве следовало бы в первую очередь обратиться к архиву Петра Мошинского. К сожалению, изученная эпистолярника Мошинского из фондов Ягеллонской библиотеки слишком малоинформативна – таков был стиль переписки графа, лаконичный по форме и крайне скупой на факты. К счастью, Петр Мошинский оставил воспоминания, но работа с ними затруднена тем, что они находятся в частном собрании. Тем не менее благодаря материалам, любезно предоставленным польским биографом П. Мошинского Петром Билиньским, и сведениям его научной монографии представляется возможным выделить свод данных о Муравьеве из мемуаров графа.

Из воспоминаний дочери Петра Мошинского Юзефы Шембековой следует, что А. Н. Муравьев навещал ее отца, жившего в Чернигове, куда он был возвращен из сибирской ссылки. Встреча эта могла произойти летом 1835 г., когда декабрист, назначенный председателем Таврической палаты уголовного суда, ехал из Москвы на службу в Симферополь к своей новой должности. Ю. Шембекова вспоминает: «Муравьев, губернатор тобольский, брат Муравьева литовского, но совсем на него непохожий, будучи назначен губернатором где-то на юге России и едучи к своей новой должности, также заехал на несколько дней к папе, который в Тобольске был очень дружен с ним и его семейством» (Pamiętniki, 1960: 281). Надо сказать, что это был достаточно смелый поступок А. Н. Муравьева, который по-прежнему находился в поле зрения Третьего отделения; что же касается П. Мошинского, то он жил под надзором полиции, но,

как видим, ничего не помешало встрече друзей. Из этого можно заключить, насколько важна была для А. Н. Муравьева эта дружба – при первой возможности он поспешил к графу, подвергая опасности свое положение, но не желая упустить возможности увидеть друга еще раз, будучи поблизости.

Как пишет П. Билиньский, «Петр Мошинский и годы спустя отзывался о Муравьеве с великим уважением» (Biliński, 2006: 123). В своих воспоминаниях граф оставил замечательный по своей информативности отзыв о декабристе, который, помимо всего прочего, дает очень емкую характеристику его политических воззрений, что имеет важнейшее значение в плане характеристики эволюции декабризма в период после восстания. Частные взаимоотношения Муравьева и П. Мошинского сложились примечательным образом. Именно частые посещения дома графа Муравьевым в целях формального надзора дали повод к складыванию между ними близких дружеских связей. «Я искренне с ним сдружился», – написал П. Мошинский о декабристе (АМК: 86). Вскоре граф стал частым и постоянным гостем в семействе главы губернии, а следом за ним и другие польские ссыльные (Нагаев, 1991: 139). Итак, Петр Мошинский вспоминает: «Александр Муравьев, председатель губернского правления, а после смерти Нагибина исполняющий должность губернатора, замешанный в заговоре 1825 г. и прощенный, но вольномыслящий навеки, а равно и большой друг поляков, у которого, по прибытии первых изгнанников, я, Роман Сангушко, Адольф Янушкевич, Ворошецкий и Доткевич проводили обычно наши вечера... за вистом или преферансом на символические суммы» (АМК: 76, 82). Но, конечно, не только карточная игра составляла досуг польских ссыльных в гостинной Муравьева – это было лишь небольшое развлечение, чтобы скоротать время. В доме декабриста собирался значительный круг местного общества, из числа которого П. Мошинскому особенно запомнился частый гость архиепископ Тобольский Афанасий (Протопопов), «очень набожный в соответствии со своей схизматической верой вплоть до того, что никогда не ел мяса, при этом приятный пожилой человек» (АМК: 76). Безусловно, граф впервые в жизни так близко столкнулся с представителем высшего православного духовенства, а в его лице и с миром иной христианской духовности, во многом поразившим его с чисто внешней стороны. Но на уровне общения, взаимного интереса и единых тем для беседы различий не было, напротив, католику Мошинскому владыка Афанасий был интересен до такой степени, что он с ним «любил разговаривать целыми часами» (АМК: 76). Легко предположить, что собеседниками, одним из которых был владыка, обсуждались по большей части духовные темы.

Итак, очевидно, что с прибытием в Тобольск Муравьева, обязанного осуществлять личный надзор за Мошинским и другими польскими политическими преступниками, жизнь последних существенно оживилась. Конечно, это была очень интересная ситуация, когда один политический ссыльный, еще не вышедший из-под контроля Третьего отделения, был обязан наблюдать за такими же, как он сам, в сущности, своими товарищами по ссылке и освободительному движению! Как видим, те ссыльные поляки, над которыми он осуществлял надзор, были приглашаемы им в дом в качестве гостей, где собирались чуть ли не ежевечерне. Думается, именно такую форму «наблюдения» за изгнанниками, о поведении которых он был обязан докладывать, избрал Муравьев – он попросту открыл для них свой дом, спасая многих от уныния в ссылке предоставлением светского общения и досуга, всегда неизменно рапортуя о ссыльных поляках как людях поведения смиренного и порядочного. А. Н. Муравьев жил в Сибири с большим семейством – трое маленьких детей, жена и ее сестры – представительницы московского бомонда княжны Шаховские, прекрасно образованные и аристократически воспитанные молодые женщины. Безусловно, во всех отношениях это был один из лучших домов Тобольска.

Отношение к ссыльным полякам в лучшем свете рисует человеческие качества Муравьева, испытывавшего на своем опыте униженное положение изгнанника, когда «всякий» его «обегал», «болелся» и «удалался» (Муравьев, 1986: 266), и не желавшего, чтобы другие люди попали в такое же

положение, тем более от него самого зависело, чтобы этого не допустить. Он сделал все, чтобы скрасить ссылным изгнание, чтобы они не чувствовали себя изгоями в местном обществе, чтобы их человеческое достоинство не страдало. Это была и христианская позиция А. Н. Муравьева, глубоко верующего человека, протягивавшего руку помощи обездоленным и несчастным. Очень интересно упоминание в воспоминаниях гр. Мошиньского о митрополите Тобольском – постоянном госте в доме А. Н. Муравьева. Как видим, столь разноплановое собрание – представители польского шляхетства, русский аристократ с его семейством, духовный пастырь – находило единый язык, интересные темы для разговора, и все были довольны друг другом; в этом кругу царил мир и взаимопонимание – так в гостинной тобольского губернатора объединялись самые различные слои и культурные традиции российского общества.

Показательно, что поляки проводили у Муравьева целые вечера – им не было необходимости собираться где-либо еще, организовывать дополнительные кружки и тем более быть недовольными властью, которую олицетворял для них ссылный декабрист, наверняка поддерживавший и их общественные инициативы, что видно на примере выдачи гр. Мошиньским денежной помощи соотечественникам. Налицо очень мудрое решение декабриста-губернатора, имевшего за плечами богатый опыт конспиративной работы – тем самым исключалась сама возможность нежелательного для власти самостоятельного объединения ссылных, могущего принять в ее глазах опасное направление «заговора», пусть даже мнимого, что являлось бы крайне неблагоприятным обстоятельством для изгнанников. Как показало время, эта мера о принятии ссылных поляков под бдительную опеку была не излишней со стороны Муравьева и в целях безопасности их самих – в Тобольской губернии наступала эпоха «Омского дела», когда множество невинных людей серьезно пострадали из-за несправедливых доносов и обвинений в заговоре и подготовке мятежа (Нагаев, 1991). «Подопечные» же А. Н. Муравьева практически не привлекались к следствию, так как у них была безупречная репутация под его надежной защитой.

Огромное значение имеет характеристика личности декабриста, а в особенности его политических убеждений, оставленная гр. Мошиньским. Не будем ставить под сомнение честность и объективность мемуариста, тем более эти оценки легко сопоставить с другими источниками. Просто П. Мошиньский написал о Муравьеве, с которым «искренне... сдружился» ярче и подробнее других: «Александр Муравьев был одним из редких и, пожалуй, сегодня даже вовсе исчезнувших типов русского джентльмена. Высоко образованный, благородный, рыцарский, изысканного обхождения, либеральный вплоть до конституционализма, но не далее, и полный презрения к подлым раболепцам, тупым проявлениям деспотизма, к чиновникам продажным и живодерам-взяточникам» (АМК: 82). Мошиньский отметил важнейшую черту стиля муравьевского администрирования (думается, вообще семейного свойства для клана Муравьевых) – «презрение», презрительное отношение к коррупции и беззаконию, нечестным чиновникам, т. е. в системе ценностей декабриста это явление было настолько вне всяческих рамок, что, понятное дело, не заслуживало ни малейшего компромисса ни тем более снисхождения. Следует подчеркнуть, что этим задана очень важная категория для дальнейшего анализа управленческой деятельности А. Н. Муравьева в научных исследованиях. Также в воспоминаниях гр. Мошиньского дана, пожалуй, единственная предельно четкая характеристика политических воззрений А. Н. Муравьева в период после его идейного разрыва с обществами декабристов, и говорит она очень о многом. Важно и то, что исходит она не от стороннего человека, а также от деятеля освободительного движения, который мог давать верные оценки политическим взглядам товарищей.

С гр. Мошиньским и его друзьями декабриста связывали общие мировоззренческие ориентиры, а именно искренняя любовь к свободе и горячий патриотизм; конечно, эти ценности они понимали по-разному, но все они были деятелями освободительного движения 1820-х гг. – а это объединяло более, чем что-либо другое. Эти люди по большому счету были все равно

едины как представители единого образа мыслей и единой политической культуры. Стойкая преданность делу свободы и верность ее идеалам – такими свойствами характера был наделен А. Н. Муравьев, и ту же нестигаемость и постоянство он ценил в ссыльных польских борцах. Именно эта общность связала одного из лучших представителей русского освободительного движения Александра Муравьева с ведущими деятелями национально-освободительного движения Польши в сибирской ссылке.

Итак, польские источники вносят много нового в изучение жизнедеятельности А. Н. Муравьева. Отметим их яркую информативность; они доносят до нас не только подчас совершенно новые факты биографии декабриста (А. Пауша), но и ценнейшие характеристики его личности и, что особенно важно, мировоззрения. Последнее имеет огромное значение в контексте жизнеописания Муравьева, так как долгие годы в историографии главенствовало мнение о его «раскаянии» после 1825 г. и отречении от прежних идеалов. Как видим, гр. Мошинский в своих воспоминаниях полностью опровергает это мнение, называя А. Н. Муравьева «вольномыслящим навеки», и, более того, дает конкретную характеристику его политическим воззрениям, определяя их как конституционно-монархические. Эти оценки особенно показательны как свидетельство одного из видных деятелей освободительного движения, близкого сибирского друга декабриста.

Список литературы и источников

- Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь XIX столетия / публ. Б. С. Шостакович. Иркутск: Артиздат, 2009. 724 с.
- Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. Т. 2. 342 с.
- Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1986. 446 с.
- Нараев А. С. «Омское дело» 1832–1833 гг. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. 208 с.
- Сабинский Ю. Сибирский дневник. Иркутск: Иркутский музей декабристов; Артиздат, 2014. Т. 1. 812 с.
- Туманик Е. Н. Декабрист А. Н. Муравьев и ссыльные участники польского национально-освободительного движения в Тобольске (1832–1833 гг.) // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.): тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф. Новосибирск, 19–20 июня 2003 г. Новосибирск: Институт истории ОИИФФ СО РАН, 2003. С. 49–53.
- Туманик Е. Н. Управленческий конфликт: декабрист А. Н. Муравьев во главе Тобольской губернии // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVIII – начала XX века: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. С. 248–256.
- Шостакович Б. С. Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А. А. Жданава, 1973. Вып. 1. С. 243–292.
- Archiwum Moszyńskich w Krakowie (AMK). Rkp. 54. Pamiętnik Piotra Moszyńskiego.
- Biliński P. Moszyńscy. Studium z dziejów łoniowskiej linii rodu w XIX wieku. Kraków: Uniwersytet Jagielloński – Biblioteka Jagiellońska, 2006. 344 s.
- Pamiętniki dekabrystów. Op. W. Zawadzki. T. 3. Sprawy dekabrytowskie w pamiętnikarstwie polskim. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. 909 s.
- Pawsza Antoni // Pamiętki polskie z różnych czasów przez Eustachego Heleniusza. Kraków: wydano przez nakł. aut., 1882. T. 2. S. 477–583.

Туманик Е. Н., кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник.

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, Россия, 630090.

E-mail: kattum@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2015.

Tumanik E. N.

POLISH PERSONAL SOURCES TO THE BIOGRAPHY OF THE DECEMBRIST A. N. MURAV'EV

The article is devoted to personal sources in Polish identified in the process of studying of the biography of Alexander Nikolayevich Murav'ev. He was one of the most famous of the Decembrists and the founder of the first Russian secret political societies The Union of Salvation and The Union of Prosperity.

The article analyzes the Polish sources – Anthony Pausha's journal, Peter Moshinsky's memories and Józefa Shembekova's memories. These texts are at first introduced into scientific research. These sources contain new and important information about the life of Decembrist in Tobolsk and his relationship with local officials, about his outlook and philosophy, personality and connections with the Polish comrades by exile and liberation movement. These sources are very creative and informative. For example, Anthony Pausha narrates an interesting fact from the history A. N. Murav'ev's governorship. It's clearly characterizes Decembrist's complex relationship with the Governor-General of Western Siberia I. A. Velyaminov.

The characteristic of A. N. Murav'ev's political outlook is very important for Russian historians. Peter Moshinsky exactly describes Murav'ev's convictions as a constitutional monarchy. He also tells about the Decembrist as "liberalists forever". Thus completely is refuted the thesis of Murav'ev's remorse after the uprising of the Decembrists. These estimates deserve full confidence. This is because not only P. Moshinsky was Murav'ev's friend but also he was a prominent figure of the liberation movement, a liberal ally of the movement of Decembrists.

Key words: *decembrists, liberation movement, Polish exile in Siberia, memoirs, administration, governance.*

References

- Vospominaniya iz Sibiri: memuary, ocherki, dnevnikovye zapisi pol'skikh politicheskikh ssyl'nykh v Vostochnuyu Sibir' XIX stoletiya* [Memories from Siberia. Memories, drafts, daily notes of Polish political deportees]. Publ. B. S. Shostakovich. Irkutsk, Artizdat Publ., 2009. 724 p. (in Russian).
- Iz epistol'yarnogo nasledstva dekabristov. Pis'ma k N. N. Murav'evu-Karskomu* [From epistolary heritage of the Decembrists. Letters to N. N. Murev'ev-Karsky]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2008. Vol. 2. 342 p. (in Russian).
- Murav'ev A. N. *Sochineniya i pis'ma* [Works and letters]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1986. 446 p. (in Russian).
- Nagaev A. S. "Omskoe delo" 1832–1833 gg. ["The Omsk deal" 1832–1833]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy universitet Publ., 1991. 208 p. (in Russian).
- Sabin'skiy Yu. *Sibirskiy dnevnik* [Siberian diary]. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov; Artizdat Publ., 2014. Vol. 1. 812 p. (in Russian).
- Tumanik E. N. Dekabrist A. N. Murav'ev i ssyl'nye uchastniki pol'skogo natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v Tobol'ske (1832–1833 gg.) [A. N. Murav'ev and deportees that contributed to Polish national liberation movement in Tobolsk (1832–1833)]. *Etnokul'turnye vzaimodeystviya v Sibiri (XVII–XX vv.): tezisy dokladov i soobshheniy mezhdunar. nauch. konf. Novosibirsk, 19–20 iyunya 2003 g.* [Ethnocultural interactions in Siberia (XVII–XXth centuries): thesis of papers presented during international scientific conference, Novosibirsk, June 19th–20th, 2003]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN Publ., 2003. Pp. 49–53 (in Russian).
- Tumanik E. N. Upravlencheskiy konflikt: dekabrist A. N. Murav'ev vo glave Tobol'skoy gubernii [Management conflict: the Decembrists A. N. Murav'ev as a head of Tobolsk Governorate]. *Rol' gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokul'turnom osvoenii Aziatskoy Rossii XVIII – nachala XX veka: sb. materialov region. nauch. konf.* [The role of the state in economical and sociocultural conquest of Asian Russia in XVIIIth – beginning of XXth centuries: papers of regional scientific conference]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN Publ., 2007. Pp. 248–256 (in Russian).
- Shostakovich B. S. Politicheskiye ssyl'nye polyaki i dekabristy v Sibiri [Political deportees. The Poles and the Decembrists in Siberia]. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Revolutionary deportees in Siberia (XIXth c. – February of 1917)]. Irkutsk, Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Irkutskogo gos. un-ta im. A. A. Zhdanova Publ., 1973. Vol. 1. Pp. 243–292 (in Russian).
- Archiwum Moszyńskich w Krakowie (AMK)*. Rkps. 54. Pamiętnik Piotra Moszyńskiego (in Polish).

Biliński P. *Moszyńscy. Studium z dziejów łoniowskiej linii rodu w XIX wieku*. Kraków, Uniwersytet Jagielloński – Biblioteka Jagiellońska, 2006. 344 s. (in Polish).

Pamiętniki dekabrystów. Op. W. Zawadzki. T. 3. *Sprawy dekabrystowskie w pamiętnikarstwie polskim*. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. 909 s. (in Polish).

Pawşa Antoni. *Pamiętki polskie z różnych czasów przez Eustachego Heleniusza*. Kraków, wydano przez nakł. aut., 1882. T. 2. S. 477–583 (in Polish).

Tumanik E. N.

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Ul. Nikolaeva, 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: kattum@mail.ru